

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 165. 62: 316.32

JEL: F02

Олег Ярёменко

УКРАИНА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ И СТИХИЙНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Показано, что институциональная среда глобальных рынков сформировалась в условиях технологического, финансового и политического господства отдельных стран-лидеров, что обусловило разрыв между интегрирующей способностью рыночных и структурно-институциональных механизмов глобальной экономики и её фактической сложностью и конфликтным потенциалом. Механизмом сокращения этого разрыва стала стихийная локализация как современное упрощение структуры мировой экономики из-за массовых конфликтов и отказа от доли кооперационных соглашений.

Раскрыт вклад в ухудшение качества институциональной среды глобальной экономики процесса перерождения института долга. В новой институциональной среде спрос на ликвидность (кассовые остатки) как функция мотива предсказуемости приобретает извращённую форму спроса на товарные запасы как производственного, так и потребительского спроса, усиливающего глобальный дефицит. Обоснован вывод, что глобальная экономическая власть, не обеспеченная глобальными ресурсами и ценностно-институциональными структурами, становится источником неопределённости не только конкурентов, но и самой себя; результатом её функционирования является углубление диспропорций и разрывов, которые могут быть частично скрыты за счёт гипертрофированного кредита. Доказано, что взаимное усиление явлений глобальной экономической власти и гипертрофированного кредита несёт риск разрушения социальных рыночных основ экономической свободы, доверия и справедливости; это обуславливает спрос на альтернативные модели. Показано, что критерием целесообразности альтернативных моделей глобального развития в условиях раз-

Ярёменко Олег Леонидович (v.o.yaremenko@gmail.com) д-р экон. наук, проф.; заведующий сектором институциональной экономики отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". <https://orcid.org/0000-0001-7227-8106>

Цитирование: Ярёменко О.Л. Украина в институциональном измерении глобальной конфликтности и стихийной локализации. Экономическая теория. 2022. № 2. С. 90–115.

© О. Ярёменко, 2022

вёртывания противоречий между глобализацией и локализацией является способность более или менее устойчивого распределения полномочий и ответственности.

Ключевые слова: глобальная экономика, локализация, институты, сложность, интегрирующая способность, конфликты, институциональная коммуникация.

UKRAINE IN THE INSTITUTIONAL DIMENSION OF GLOBAL CONFLICT AND NATURAL LOCALIZATION

Oleh Yaremenko (v.o.yaremenko@gmail.com) Dr. Econ. Sciences, Prof.; Leading Researcher of the Department of Economic Theory of the Institute for Economics and Forecasting, National Academy of Sciences of Ukraine. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7227-8106>

It is shown that the institutional environment of global markets was formed under the conditions of technological, financial and political dominance of certain leading countries, which caused today's gap between the integrating capacity of market and structural-institutional mechanisms of the global economy and its actual complexity and potential for conflict. The mechanism for reducing this gap was spontaneous localization as a modern simplification of the structure of the world economy due to massive conflicts and the rejection of a share of co-operative agreements.

The contribution to the deterioration of the quality of the institutional environment of the global economy of the process of regeneration of the debt institution is revealed. In the new institutional environment, the demand for liquidity (cash balances) as a function of the motive for foresight takes the twisted form of the demand for inventories, both production and consumer demand, exacerbating the global deficit. The conclusion is substantiated that the global economic power, which is not provided with global resources and value-institutional structures, is a source of uncertainty not only for competitors, but also for itself; the result of its functioning is the deepening of disparities and gaps, which can be partially hidden due to hypertrophied credit. It has been proven that the mutual strengthening of the phenomena of global economic power and hypertrophied credit carries the risk of destroying the social market foundations of economic freedom, trust and justice; this determines the demand for alternative models. It is shown that the criterion for the expediency of alternative models of global development in the conditions of unfolding contradictions between globalization and localization is the ability to more or less stable distribution of powers and responsibilities.

Key words: global economy, localization, institutions, complexity, integrative capacity, conflicts, institutional communication.

Сегодняшний общий мировой экономический, политический и социальный кризис означает крайне опасное совпадение во времени и пространстве глубоких изменений во многих сферах человеческого бытия. Украина попала в ловушку выживания, когда при-

родная иерархия целей не может быть выдержана в условиях фундаментального дефицита времени и ресурсов. Спутывание различных сфер и процессов, требующих реагирования субъектов, порождает потребность в инструментах изучения сегодняшней неклассической социально-экономической реальности. Институциональный подход с учётом истории его становления и эволюции может быть, как минимум, апробирован по возможностям классификации и каталогизации противоречивых процессов глобализации и локализации как глубинных причин сегодняшнего состояния нашей экономики и общества.

Наиболее продуктивным по результатам исследования противоречивых оснований глобализации может считаться направление её социально-институционального анализа, который связан с исследованиями Дж. Стиглица (2003), Д. Родрика (2011), Д. Конвея и Н. Хейвена (2017), О. Белоруса (2003), В. Гейца (2008), А. Гриценко (2010) и др. Их понимание современной глобализации не только как траектории расширения ресурсов и возможностей, но и как пространства вариантов как бремени позволило двигаться в сторону раскрытия социальных противоречий и ограничений, что открывает путь к поиску альтернатив и осмысленных изменений в разных политиках глобализации. Такое теоретическое наследие позволяет уточнить предмет и методы исследования процессов глобализации и локализации мировой экономики с целью упорядочения противоречивых и критических процессов, разворачивающихся в крайне опасный глобальный кризис.

Целью статьи является институциональное толкование оснований и глобальной конфликтности стихийной локализации в контексте решения актуальных и фундаментальных задач национального социально-экономического развития Украины.

Институциональное направление экономической науки всегда было и является сегодня особым ответом на потребности как теории, так и практики. С точки зрения экономической практики сегодняшняя реальность отличается значительным деструктивным потенциалом, что проявляется в потере способности к саморазвитию на основе функционального взаимодействия различных элементов и субъектов через механизм рыночных цен. Предложенная ещё классической школой модель рыночной системы, когда каждый беспокоится о собственном интересе (но с учётом моральных ограничений и правовых запретов), сегодня работает со значительными сбоями. Исконная положительная конфликтность рыночной конкуренции вырождается и всё чаще приобретает форму ожесточённой

борьбы на уничтожение, в которой все средства одинаково хороши, если они ведут к конечной победе над конкурентами.

Причины этого лежат как в сфере аномального ценностного разнообразия в эпоху глобализации, так и в сфере чрезмерной сложности субъектной структуры глобальной экономики. Такое деструктивное усложнение структуры мировой системы обусловлено наличием факториальных параметров ($N!$, где N – количество субъектов, между которыми существует или может существовать взаимозависимость) в процессах образования новых связей, как реальных, так и потенциальных. Нарушение функционального единства элементов снижает интегрирующий потенциал функциональных связей и соответственно снижает социально-экономический статус стихийной кооперации.

Экономические власти и экономическое насилие в форме надмонополизации приходят на место катаклизмов. Феномен глобальных технологических монополий порождает новую социально-психологическую и интеллектуальную среду экономических исследований. Апология положительного смысла фактических практик власти, путей их совершенствования, их структуры и мотиваций находят отражение в системе грантовой поддержки актуальных направлений развития экономической науки. Критерий научности знаний частично смещается в сферу денежных потоков. Истину ищут там, где деньги.

В истории экономической науки часто актуализация институционального анализа экономических систем была реакцией на разрыв непрерывности в экономической науке и экономических практиках. Для институциональной теории характерна склонность к описательному воспроизведению предмета, являющегося преимуществом в условиях аномального разнообразия явлений, процессов и быстрых изменений. Благодаря этому институциональная теория может не выжидать момента структурирования или конечной кристаллизации нового качества, чтобы делать ограниченные выводы относительно направлений и содержания существенных событий.

Таким образом, уклон в сторону институционализма встречается в экономической науке всякий раз, когда количество фактов "антипарадигмальной" направленности приобретает массовый характер. Примером такой антипарадигмальности экономической реальности и её теоретических отражений может служить аномальный вид кривых спроса и предложения на рынке сетевых благ; усиление роли фактора идентичности (несхожести, уникальности)

в мотивах и стимулах хозяйственных решений; активная теоретическая и практическая компрометация экономической свободы как особой сферы свободы человека под лозунгом борьбы с "рыночным фундаментализмом" (Дж. Сорос); массовый спрос на государственное предпринимательство, противоречащее общественной природе и миссии государства, спрос на общественные блага, предложение которых является исключительной функцией государства.

Изначально оппортунистический (синкретический) характер институционального подхода позволяет ему включать в свой предмет любые устойчивые практики, несмотря на их возможную антагонистичность в исторически сложившейся формальной системе экономических знаний. Принципы гетерогенного усложнения и комплементарности позволяют включать в круг важных факторов такие явления, как суверенитет, синкретизм и феномен "блуждающей неопределённости". Неопределённость, если она погружается в область теоретического знания, требует от участников познавательного процесса минимальной конвенциональности, включая общепринятые условности и предположения.

Сама по себе институциональная теория не может претендовать на статус мейнстрима. Напротив, она является активным инструментом демонтажа мейнстрима. Феномен "блуждающей неопределённости" скрывает внутри себя процессы формирования и перебора альтернатив. В этом состоит исторический смысл периодической институционализации экономической науки.

Исходя из этих общих соображений актуальной задачей современной институциональной составляющей экономической науки следует признать разработку концептуальной характеристики способности существующих рыночных и структурно-институциональных механизмов функционирования глобальной экономики по сравнению с её фактической сложностью и конфликтным потенциалом её взаимозависимостей. Сегодняшняя ожесточённая глобальная конфликтность, исключая даже минимальную способность к компромиссам, ухудшает качество общественного выбора, лишая его признаков рациональности. Императив возврата хотя бы к минимальной рациональности требует согласованного снижения глобальной конфликтности любой ценой.

Власть вообще и экономическая власть в частности являются инструментом угнетения текущей конфликтности до приемлемых пределов, в том числе за счёт использования права сильного. Однако, поскольку "цель власти – власть" (Дж. Оруэлл), право сильно-

го лишает систему обратной связи и позволяет накапливаться неконфликтным и неочевидным (внешне) разрывам и диспропорциям. Такие разрывы могут иметь вид вынужденного согласия уступить свои интересы (традиции, привычки) в обмен на текущий доступ к ресурсам, предоставляемый носителем права сильного. В сложившейся ситуации сфера принятия решений слабого субъекта регулируется представлениями сильного субъекта. Смысл права сильного как институционального разрыва состоит в том, что сильный лишается ограничений, а слабый – внутренних стимулов, детерминированных ценностями. Сильные субъекты снижают издержки хеджирования, минимизируя возможность неприемлемого для них оппортунистического поведения слабых, а слабые в свою очередь экономят на процедурах принятия решений. Социальная энтропия имеет все шансы на рост, и сегодня она этими шансами пользуется.

В то же время усиление энтропии через институциональные разрывы не является исчерпывающей характеристикой современной социальной термодинамики. Институциональные разрывы – это социальный вакуум особого рода, своеобразный аналог физического вакуума (Каку, 2012; Гриб, Мамаев, Моспаненко, 1988), если брать аналогии из квантовой физики. Слабость тормозящих ценностно-институциональных полей в зоне разрывов способствует сверхбыстрому течению событий и изменений, что иногда выглядит как нарушение причинности. Квазисубъекты или виртуальные субъекты не интересуют настоящих субъектов только постольку, поскольку не влияют на распределение ресурсов. Но на определенном этапе виртуальные субъекты получают способность материализоваться и притягивать к себе ресурсы (включая и решающий ресурс как рыночный спрос).

Точкой материализации виртуального субъекта является ресурсный конфликт с "истинными" субъектами. Победа в этом конфликте может остаться за "настоящими" субъектами, и тогда попытка материализации "не засчитывается" (откладывается). Это не означает, что при новых институционально-технологических и рыночных условиях такая попытка не будет иметь шансов на успех. Примером может служить эволюция идеи электромобиля за последние сто лет. Не факт, что сегодняшняя победа электромобиля является конечной, но тенденция выглядит более-менее однозначной.

Уровень глобальной экономической эффективности за последние 30 лет в целом рос быстрее, чем это предполагалось имеющимся интегрирующим потенциалом ценностей и институтов.

Это сопровождалось преимущественно локальным присвоением выгод экономической глобализации на уровне ТНК и глобализацией/глобальной мультипликацией рисков. Рост глобальной специализации и кооперации не был обеспечен адекватной глобальной ценностно-институциональной основой, что порождало ценностно-институциональное напряжение. Каждый шаг вперёд в углублении глобальной специализации и кооперации требовал всё больших усилий по подавлению ценностного иммунитета отдельных социально-экономических систем, что может быть условно определено как скрытые транзакционные издержки экономической глобализации. Существующие рыночные и структурно-институциональные механизмы функционирования глобальной экономики оказались неспособными вместить фактический объём взаимозависимостей, которые оказались слишком сложными, спутанными и несбалансированными. Диспропорции и массовое оппортунистическое поведение, исключаящее сегодня даже минимальную способность к эмпатии, ухудшают качество выбора субъектов, сохраняя лишь видимость его рациональности. Восстановление общественного статуса рациональности требует использования каких-либо инструментов для снижения чрезмерной конфликтности.

Обратной стороной распределения ресурсов является распределение рисков. Достаточно ярко сдвиг в этой сфере демонстрирует качественное изменение функциональной и эволюционной роли долгового фактора распределения ресурсов. Долг как институт в его сегодняшнем виде даёт возможность перекладывать актуальные риски и издержки принимающих решения субъектов на будущее, вплоть до будущих поколений. Ставка дисконтирования будущих денег становится аномально высокой, что отрицательно сказывается на инвестиционной активности. (Кстати, аномальная высокая ставка дисконтирования будущих доходов характерна для безработных, для криминальных и просто преступных видов деятельности.) Равнодушие к будущим проблемам является ещё одним всеобщим разрушающим фактором для системы ценностей и институтов, и поэтому скрыто способствует активизации общественного спроса на всё более глубокие и давние механизмы социальности.

Остатки последствий глобального кризиса 2007–2009 годов и Великой рецессии не были преодолены и до начала пандемии коронавируса. Так называемая "накачка ликвидности" имела, по большому счёту, извращённую долговую природу, что искажало картину глобального спроса и предложения. Следствием этого оказалось явление глобального дефицита, который обусловлен не

только текущими рыночными дисбалансами, но и устойчивыми ценностно-институциональными разрывами, которые не могут быть преодолены из-за существующего разрыва между реальным распределением ресурсов и формальным распределением экономической власти в глобальной экономике, включая и институты (Obstfeld, Rogoff, 2009).

Стимулом для сохранения сегодняшнего неадекватного распределения экономической власти является возможность использования последней для перевода рисков и издержек на других субъектов. В этом смысле гипертрофированная экономическая власть и гипертрофированный кредит идут в одном русле разрушения социальных рыночных оснований экономической свободы, доверия и справедливости. Дефицит доверия и справедливости – долгосрочный деструктивный фактор изменений в глобальной экономике.

Наиболее опасными сегодня выглядят три наглядных составляющих глобального дефицита: дефицит энергоресурсов; дефицит продовольствия; дефицит комплектующих в глобальных цепочках стоимости, прежде всего микрочипов¹. Резонанс этих трёх дефицитов на фоне дефицита доверия и дефицита справедливости и усиления экономической власти ТНК способен привести к лавинообразному росту процессов деглобализации, когда скорость хаотизации глобальной системы ощутимо превысит скорость формирования нового, менее амбициозного, но более устойчивого порядка.

Одним из возможных сценариев дальнейшего развития глобальных дефицитов может быть давление на уровень цен снизу², рост рисков доставки в реальном секторе и, соответственно, рост запасов и затрат их хранения, что ускоряет ценовую динамику как на глобальном, так и на региональных уровнях³. Ненулевым выглядит текущий риск возникновения петли положительной обратной связи чрезмерных запасов и ценовой динамики, когда дефицит элементов переменных затрат через ценовой канал порождает попытки предприятий избежать дополнительных затрат в будущем,

¹ Here's What Caused The Ongoing Global Chip Shortage & Why It Will Only Get Worse. URL: <https://onsitego.com/blog/global-chip-shortage-explained-causes-future/>

² В декабре 2021 года среднее значение Индекса продовольственных цен ФАО (ИПЦФ) составило 133,7 пункта, что на 25,1 пункта (23,1 процента) выше, чем в декабре 2020 года. The FAO Food Price Index reaches 10-летний high в 2021, despite a маленький Decber decline. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>

³ "Инфляция в еврозоне выросла до 5% в декабре 2021 г., установив новый рекорд с момента создания единой валюты более двух десятилетий назад. Аналитики ожидали 4,7%. Неожиданный рост, вероятно, заставит ЭЦБ сократить монетарные стимулы быстрее, чем планировалось". URL: <https://ibf.ua/articles/infliacija-v-es-i-ssha-v-pervom-polugodii-budet-vyshe-celevogo-urovnja-153805>

что достигается сверхнормативным увеличением объёмов сегодняшних закупок. В этом случае мотив осторожности будет приобретать институционально мотивированную извращённую форму дополнительного спроса не на кассовые остатки, а на складские остатки товарно-материальных ценностей.

Более глубокими и потому неочевидными последствиями таких дефицитов могут стать институционализация устойчивых автаркических тенденций из-за склонности государств к политике импортозамещения, а также скрытая мутация функции спроса на деньги в условиях валютно-кредитного арбитража на рынках криптовалют. В последнем случае деньги нужны не просто для спекуляций на финансовом рынке, а для сделок со спекулятивными криптоактивами, средняя ожидаемая доходность которых аномально превышает стоимость привлечения средств на кредитном рынке. Как было показано ещё в 1997 году, функция спроса на деньги в условиях аномально привлекательных финансовых альтернатив становится квадратичной функцией времени, быстро лишая необходимой ликвидности реальный сектор (Яременко, 1997. С. 162).

Формирование локальных зон порядка является альтернативой глобальной катастрофе. Это может происходить как за счёт усиления локальных источников экономической власти и сужения роли глобальных субъектов, так и за счёт формирования локальных зон доверия и социальной справедливости. Как показал социальный взрыв в Казахстане в январе 2022 года, успешные по критериям МВФ реформы (в глобальном рейтинге конкурентоспособности Казахстан в 2021 году занял 35-е место, опередив Португалию) одновременно оказались крайне опасными в социальном измерении. На длинных интервалах роль суверенных источников принятия социально важных решений оказалась недопустимо низкой. На самом деле решения принимали те структуры, которые не несли и не несут ответственности за их последствия.

Конфликт между глобальной эффективностью и локальной устойчивостью должен разрешаться на путях социальной суверенизации экономического роста. Инструментом может служить цифровой суверенитет и цифровая автономизация с опорой на развитие национальной смарт-промышленности. Импортозамещение, рациональная автономизация и независимая социальная политика государства, ориентирующаяся на идентичность и исторически сложившиеся ценности, дают возможность отойти от догматической формулы "глобализация или смерть". Положительным следствием выбора такой альтернативы является устойчивая тенден-

ция снижения внутренних транзакционных издержек до более низкого уровня, чем затраты во внешнем пространстве. Имманентным риском этой альтернативы является риск сваливания в штопор популизма и угнетение роли глобальных источников инновационного развития.

Внутренним критерием успешности такой модели является опережающее развитие внутреннего рынка как элемент действенной стратегии суверенной социализации экономического роста. С глобальной точки зрения привлекательность выбора такой модели будет проявляться в том, что снижение глобальной эффективности компенсируется ростом глобальной устойчивости. Социальные критерии принятия глобальных и национальных решений будут сужать коридор возможного и допустимого, что в общем случае означает снижение разброса траекторий движения глобальной системы. Упрощённая трактовка этого подхода может выглядеть так: технологическое развитие и его риски относятся преимущественно к глобальному уровню, социальное развитие и его риски – локальному.

Однако такая попытка развести в пространстве и времени глобальные и локальные риски развития сама по себе может оказаться достаточно рискованной и требует дополнительного концептуального анализа и обоснования. В частности, перспективным может быть анализ комплементарности преимущественно глобального технологического развития, за который отвечают корпорации, и преимущественно локального социального развития, за который отвечает суверенное государство. Эта комплементарность должна стать основанием для новой стратегии управления рисками глобализации. Звеном, связывающим глобальное и локальное развитие, является национальное государство. Конкретно оно может стать точкой притяжения эволюции глобального институционального развития.

Такая стратегия глобализации отводит наднациональным институтам вспомогательную, а не решающую роль. Тем более что де-факто несостоятельность существующих наднациональных институтов проявилась в войне, которая началась в Украине в феврале 2022 года. В начале 2022 г. возникало впечатление, что целями ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС было не предупреждение войны, а помощь нашей стране в войне, если она начнётся. Такая помощь, безусловно, благородное дело, но для нас было бы лучше, если бы международные институты эту войну предупредили.

Глобализация института государства как обретение последней способности присваивать глобальное достояние технологиче-

ского и социально-институционального развития придаёт современной цивилизации дополнительную "несущую конструкцию", обеспечивая прирост гибкости и устойчивости путём формирования инстанции, способной трансформировать глобальную неопределённость в совокупность суверенных национальных рисков. Последняя задача неотложна, учитывая сегодняшний скачок человечества в сферу тотальной неопределённости.

Глобализация способствует не только углублению сотрудничества, но и локализации, фрагментации и поляризации социума. Экономисты и социологи отмечают, что, несмотря на глобальные связи, общества, кажется, всё больше поляризованы и фрагментированы. Это явление коренится в глубинной сложной структуре и закономерностях динамики социальных систем. Одним из оснований такого противоречия является необходимость воспроизведения социальных идентичностей как присущего обществу механизма ограничения энтропийных процессов (*Hedayatifar, Rigg, October 2019*). С. Перкинс считает, что эндогенный фактор сохранения социальной дистанции между идентичностями внутри сложных систем способствует повышению их конкурентоспособности (*Perkins, April 18, 2022*). Если идентичности не воспроизводятся, а разрушаются, социальная энтропия растёт.

Общий закон экономики утверждает: больше возможностей – больше рисков. Глобализация как создание возможностей оптимального распределения и использования ресурсов в глобальном масштабе не может избежать этого общего закона. Сегодня существует осознание того, что риски глобализации не лежат на стороне отдельных недостатков и ошибок. Они характерны для самой сущности глобализации как принципиально нового уровня взаимозависимости. "В XX веке самая серьёзная угроза международной стабильности, кажется, заключается в большей взаимозависимости, усиливая возможность того, что шок, исходящий из любой точки мира, может стать системным", – отмечает историк Патрисия Клавен (*June 2022*).

Формально разворот тренда глобальной взаимозависимости был обозначен реанимацией протекционистской идеологии в предвыборной программе Д. Трампа в 2016 году. По его мнению, Соединенные Штаты теряли от либеральных правил мировой торговли больше, чем получали. Продолжение либеральной глобализации означало бы дальнейшее усиление основных конкурентов за счёт американских налогоплательщиков. Поэтому необходимо защищать собственного производителя, заботиться о рабочих местах

внутри страны, ограничивать свободу рук для внешних конкурентов (Яременко, 2017. С. 110).

Однако актуализация протекционистских инструментов в много-связной среде глобальной экономики привела к непредвиденным последствиям, связанным с конфликтным перераспределением ресурсов и богатства. Как вернуться от глобальной конфликтности к глобальному сотрудничеству никто не знает. Симптоматично, что текущим оценкам сегодняшнего состояния глобальной конфликтности присуща явная или скрытая ностальгия времён холодной войны, когда всё было более или менее предсказуемо и укладывалось в пределы допустимого. Для понимания оснований такой "романтической" трактовки прошлого можно высказать гипотезу, что состояние предшествовавшее глобализации социума характеризовалось относительно стабильным соотношением между этическими ценностями, характеризующимися координатой "добро-зло" (X) и политико-этническими ценностями координаты "свой-чужой" (Y): $\Delta X = \infty \Delta Y$, при условии, что $\infty \sim \text{const}$. Принятие решений в этих координатах обеспечивало более-менее эффективное снятие неопределённости, оптимизацию транзакционных издержек и баланс внутреннего и внешнего доверия. Если величина ∞ тяготела к 1, то это общество выступало как относительно сбалансированное: национально-политическая форма социума оформлялась как правовое государство, а соблюдение единой шкалы "добро-зло", к которой тяготеют оценки "эффективное-неэффективное", "справедливое-несправедливое", "равенство-неравенство", обеспечивало баланс общих, особых и единичных интересов.

Процесс глобализации начинался как постепенное снижение роли политико-этнической координаты "свой-чужой" (так называемое "новое мышление" в русле концепции "конца истории" Ф. Фукуямы) и усиление роли ценностно-нравственной координаты "добро-зло": $\Delta X \gg \Delta Y$. Оценки по шкале "добро-зло" через механизмы борьбы с отмыванием доходов, "полученных преступным путём", распространялись на большинство социально-экономических форм, которые издавна считались этически нейтральными. В процессе формализации новых общественных условий институционально криминализировались как воплощение социального зла: анонимность денег как практическая реализация их общей природы вне зависимости от источников происхождения (non olet); наличное денежное обращение как практическая свобода человека; анонимные банковские счета как защищённая законом личная тайна; ин-

ститут коммерческой и банковской тайны; возложение тяжести доказательств в сфере борьбы с отмыванием денег на ответчика и т.д. Отслеживание источников происхождения любых денег превратилось в мощный источник анонимной и поэтому безответственной власти. В то же время такие институциональные потери компенсировались ростом эффективности использования ресурсов в глобальном масштабе, о чём свидетельствовали существенное снижение голода и детской смертности в мире.

На этапе зрелой глобализации отклонение от предложенной траектории в координатах X, Y означает для субъекта опасное усиление неопределённости из-за сближения с группой "чужие", что находит себя в росте трансакционных издержек и ставке дисконтирования будущих доходов.

В точке перегиба (бифуркации) как состояния "перезрелой" глобализации вследствие скачкообразного роста конфликтности (закономерный результат чрезмерной сложности глобальной системы) наблюдается тотальная институциональная деструкция. Стирание институциональной и ценностной информации в условиях общей конфликтности происходит в соответствии с принципом: "последним пришёл – первым пошёл". В первую очередь из актуальных ценностных структур социума в условиях войны и деглобализации выходит новейшая информация, современные ценности глобализации (толерантность, политкорректность, прозрачность). Остаются самые старые и простые конструкции. Взаимные субъектные оценки более тяготеют к координате "свой – чужой", чем к координате "добро – зло", которая становится всё менее важной. В условиях угрозы варваризации или даже одичания социума национальное государство становится абсолютной ценностью.

Когда оценки "свой-чужой" начинают властвовать в области оценки альтернатив, локализация из умозрительной конструкции превращается в несколько практических мотивов принятия глобальных решений: 1) спасти то, что ещё можно спасти; 2) если всего на всех не хватит (тотальный дефицит), нужно заботиться только о своих; 3) балласт в виде слишком обременительных обязательств и ограничений – за борт. Глобальный дефицит рыночного предложения ресурсов играет роль инструмента принудительной локализации глобального развития.

Непосредственными причинами глобального дефицита ресурсов являются:

- мягкая и супермягкая денежно-кредитная политика во времена Великой рецессии и посткризисного развития в странах Запа-

да. Неограниченное денежное предложение не могло не столкнуться с ограниченным предложением реальных ресурсов. Иметь доступ к деньгам ещё не значит иметь рыночный доступ к необходимым ресурсам;

- дисбалансы в распределении полномочий, ответственности и ресурсов в системе принятия глобальных решений (*Clavin*, June 2022. Р. 17). Приём Китая в ВТО способствовал быстрому росту доли Китая в мировом ВВП без соответствующего роста полномочий и ответственности в системе глобальных решений (*Gourinchas*, June 2022). Со своей стороны глобальные решения всё больше отрывались от фактического обеспечения субъектов финансовыми, технологическими и природными ресурсами (*Prasad*, June 2022. Р. 15);

- быстрое (злокачественное?) наращивание сложности глобальной системы из-за либерализации мировых рынков и роста количества субъектов спроса и предложения, что опережало интеграционную мощность существующих институтов и правил. Этому способствовала доступность источников кредитования, которая породила цепочку смягчения условий открытия и финансирования бизнеса. Как было отмечено в предыдущем исследовании, пространство возможных связей субъектов и их комбинаций (что нужно так или иначе принимать во внимание при оценке альтернатив) распространяется по функции, содержащей факториал ($n!$), а интеграционная мощность общих правил растёт (если она растёт) гораздо медленнее;

- институциональная несогласованность попыток массового внедрения "зелёной повестки дня" с целью преодоления бедности и глобального неравенства.

Как правило, дефицит ресурсов возникает при определённых институциональных разрывах (*Rahman, Saint Ville et al.*, 2017). Сильный толчок глобальные рынки ресурсов почувствовали с момента начала агрессии России против Украины. Как отметил в марте 2022 года руководитель глобального отдела исследования сырьевых рынков Goldman Sachs Джефф Карри, это наибольшее потрясение на товарных рынках с 1973 года. Но на этом сравнение заканчивается. Кроме того, что это потрясение сосредоточено на Европе, ещё одно ключевое отличие этого кризиса от нефтяного эмбарго 1973 года состоит в том, что это не просто потрясение для поставок нефти. Это шок для каждого отдельного товара: зерна, нефти, газа, металлов, палладия, титана и неона. Список можно продолжать.

Следование субъектов институциональным предписаниям (стандартам, нормам, правилам) в таких условиях парадоксальным образом увеличивает общую неопределённость доступа к ресурсам и рынкам. Система оказалась очень сложной как для административного государственного управления, так и для рыночного саморегулирования. Излишняя сложность среды глобальной экономики требует упрощения любым путём, включая сокращение количества субъектов из-за соблюдения механизмов банкротства и суверенных дефолтов, создания дополнительных нормативных барьеров (своеобразная делиберализация в условиях стратегии зелёного развития), использование элементов политики возврата капиталов в страну происхождения. Но такой путь несёт в себе много рисков внезапного обвала при критической несогласованности замыслов и действий глобальных игроков.

Можно ли вообще эволюционным путём превратить деструктивную сложность глобальной среды в совокупность менее амбициозных и одновременно более устойчивых национально-государственных, локальных и региональных структур? Поиск вариантов перехода к более устойчивому глобальному устройству является важной задачей экономической науки. Одним из таких возможных путей является трансформация внешней сложности во внутреннюю через национально-государственную дифференциацию условий общественного воспроизводства. Это выступает как рефлексивный способ снижения неопределённости функционирования и развития хозяйственных систем при их переходе через пространство (этап) деструктивного усложнения (*Oliver*, April 28, 2022). Такое деструктивное усложнение как точка перегиба развития информационной экономики находит себя в виде информационного перенасыщения среды принятия решений как информационный дистресс субъектов и их дезадаптивное поведение, углубление несоответствия между информационными возможностями ценностно-институционального пространства и количеством существенной информации, вынуждающей субъектов выходить за пределы этого пространства.

Это несоответствие приводит к тому, что глобальная система лишается одного из важнейших массивов информации – институционально-ценностного. На уровне отдельных национальных экономик это, может, когда-то и было допустимо, потому что национальное государство, так или иначе, сохраняло ценностную историческую детерминацию в виде внутренней легитимности как фундаментальной основы взаимной комплементарности государства

и общества. Но если такая информация исключается из информационных механизмов глобального социума, происходит институциональное обеднение системы на всех её уровнях. Явление отторжения ценностно неприемлемой информации сегодня носит массовый характер.

Как результат – общественно значимая деятельность субъектов выходит за пределы институтов. Наглядным примером дезадаптивного поведения в условиях информационного дистресса может служить агрессия России против Украины, которая, помимо всех катастрофических последствий, почти максимальный вред принесла государству-агрессору.

Институты, избавляясь от неприсущего им функционального содержания, превращаются в "пустые" формы. В условиях дефицита устойчивых реальных всеобщих правил государство и субъекты хозяйствования вынуждены соблюдать принципы "здорового смысла", которым присущи ложные критерии очевидности и короткого действия. Система становится менее "умной", утрачивая возможность обходных путей. Возникает скрытая тенденция к деинституционализации хозяйственной системы, то есть к потере одного из важнейших активов цивилизованного социума – институтов как живого прошлого.

В качестве альтернативы сегодняшней тенденции деинституционализации может рассматриваться возможность реинституционализации на основании менее амбициозных локальных и региональных образований, возможно, имеющих определённый потенциал комплементарности к сегодняшнему глобальному устройству. Как отметили П. Немина и К. Эспиноса, изменяющийся глобальный порядок сегодня определяется сосуществованием традиционных Бреттон-Вудских институтов, таких как МВФ и Всемирный банк, и появлением новых финансовых институтов, таких как банки развития, двусторонние и многосторонние соглашения о свопах, и новые глобальные стратегии типа китайской инициативы "Один пояс, один путь", которая реализуется на двустороннем, региональном и глобальном уровнях (*Nemina, Espinosa, March 23 2021*).

Однако это не означает, что проблема совместимости глобальных и локальных институтов будет решаться автоматически. Дело в том, что они имеют разное историческое предназначение и потому могут не совпадать в существенном. Глобальная экономическая власть, несмотря на её преимущества по сравнению с вооруженным насилием, имеет своим главным мотивом прямое подчинение своей воле других людей. Исконное противоречие гло-

бального и локального может привести через общий конфликт к вырождению глобального мира в хорошо знакомую совокупность обособленных зон локального развития. Такой процесс будет сопровождаться потерей институционального богатства человечества как форма игры с отрицательной ненулевой суммой.

Это будет потеря для всех. О возможности такой потери говорил Карл Ясперс. Он считал, что возможность живого, а не мертвого мирового порядка существует, если его стабилизация не приведёт к всеобщей тотализации знаний и оценок (Ясперс, 1991. С. 222–223) (что может расцениваться как своеобразный намёк на прямые оценки общественной лояльности через инструмент социального кредитного рейтинга)

Внутри социально-экономической системы стоимость институтов как особого вида актива в скрытом виде отражается в уровне стоимости денег: большая институциональная глубина экономики обуславливает более низкий уровень расходов на хеджирование и относительно лёгкую доступность денег, а также более низкие ставки дисконтирования будущих доходов. Если принять гипотезу о взаимной отрицательной корреляции между институциональной глубиной экономики и долгосрочной стоимостью денег, то можно предположить негативное влияние фактора дефицита рыночного предложения ресурсов на стоимость институтов как национального экономического актива. На этой основе может возникнуть порочный круг деинституционализации, демонетизации и деиндустриализации национальной экономики.

С точки зрения стратегии национального развития Украины ситуация противоречива. С одной стороны, в условиях экономики дефицита такие ценности рыночной экономики, как доверие, справедливость, экономическая свобода и ответственность, становятся второстепенными по сравнению с инструментальными ценностями мобилизационной модели – учёт и контроль, дисциплина, развёрнутая отчётность. С другой стороны, поскольку уровень дефицита коррелируется с такими устойчивыми структурными характеристиками национальной экономики, как уровень промышленного развития и глубина внутреннего рынка, постольку существует устойчивая естественная мотивация государства к активной промышленной политике и экономическому суверенитету. Сегодня для Украины быть суверенным государством означает иметь сильную промышленную политику.

Существующие институциональные разрывы в глобальной экономике до сих пор маскировались процессами финансирования

и интенсивными реформами преимущественно экзогенного происхождения. И то, и другое порождали искажённую картину глобальной экономической реальности. Институционально-ценностные разрывы, находившие себя в конфликтах и росте неравенства и коррупции, считались свидетельством недостаточной глубины и интенсивности реформ или недостаточного уровня кредитования государства и частного сектора (Кругман, 2013).

Но за период Великой рецессии и после неё социальное пространство без институтов и ценностей постепенно превращалось в устойчивое явление (творческое разрушение?), которое генерирует не только конфликты и хаос, но и приводит к ощутимым изменениям в субъектной структуре экономики как основании актуализации локальной составляющей эволюции глобальной системы

Институциональные разрывы в глобальной экономике – это такой институциональный вакуум, который даёт шанс на возникновение новых субъектов, действующих по другим принципам, чем предусмотренные "Вашингтонским консенсусом". При этом такие новые принципы возникают не только в странах с развивающимися рынками, но и в развитых странах – как следствие слишком быстрого возникновения новых комбинаций технологий и ресурсов. Такие новые комбинации не обязательно противоречат старым правилам и нормам, а просто существуют параллельно с ними. В мире квантовых явлений аналогией может служить физическая модель "вакуума Казимира". Возникновение элементарных частей из "ничего" в этой модели может быть использовано для объяснения феномена виртуальных субъектов в экономике, которые превращаются в настоящих субъектов в условиях сильных случайных колебаний денежных потоков в системе благодаря переформатированию финансовых институтов и эрозии глобального доверия.

Об институциональном разломе как вакууме ответственности говорит П.-О. Гуринша (*Gourinchas*, June 2022). По его мнению, никто не может предположить, когда и как нынешнее абсолютное доминирование доллара будет вытеснено многополярной системой. Такая неопределённость – одна из линий разлома в текущем экономическом устройстве. Одним из сценариев глобальной переходности, как считает П.-А. Гуринша, есть сценарий необратимого распада сегодняшнего мирового экономического порядка.

От того, как этот разлом будет преодолен, зависит дальнейшая судьба сегодняшней взаимозависимости. Способ реализации этого перехода мог оказать большое влияние на мировую экономику и будущее её многосторонности. На одном конце спектра воз-

возможностей мы видим совокупность отдельных локальных валютных блоков, что решило бы дилемму Триффина, делая мир меньшим, но также менее эффективным. На другом конце спектра мировая экономическая система может оставаться интегрированной, но механизмы взаимодействия и возможной координации между несколькими резервными валютами, включая доллар США, остаются неопределёнными. Переход к цифровым валютам, эмитируемым центральными банками, сопровождается возникновением новых локальных центров интересов, мотиваций и финансовых активов. Случайные комбинации полномочий и ответственности, возникающие в ходе глобальной конфликтности, рано или поздно начнут тяготеть к относительно устойчивому варианту, который будет приемлем для большинства глобальных актеров (*Prasad*, June 2022. P. 15).

По содержанию структурный институционально-ценностный шок глобальной экономической системы является не только результатом чрезмерной запутанности связей, но и реакцией отторжения навязанных извне реформ, обусловленных соображениями удобства внешнего контроля за денежными потоками в странах-реципиентах международных кредитов и международной помощи. По объективным причинам Украина как реципиент сегодня имеет очень узкий коридор разрешённого в выборе направлений национальных институциональных реформ, что обусловлено войной и императивом выживания страны, нации, государства. Но всё это не означает отсутствия общественного спроса на институты и инструменты национального суверенитета в условиях войны и послевоенного восстановления. Даже в условиях сверхжёсткого внешнего конкурентного пространства и деструктивного давления со стороны геополитических и геоэкономических конкурентов существуют реальные возможности сохранения и воспроизводства идентичности Украины как сильного европейского агропромышленного государства с мощными институтами и ресурсами.

Особое место среди актуальных рисков занимают риски сдвига в сторону модели экономики дефицита, связанные с активизацией инфляционных процессов в условиях распространения мягких бюджетных ограничений, сужением внутреннего рынка и потерей трансмиссионных каналов государственной регуляторной политики (*Tremel*, February 16, 202). В случае реализации этого риска может возникнуть ловушка с сильным внутренним полем тяготения, когда рефлекторная адаптация субъектов приводит к угасанию мотиваций выхода из ловушки.

Противоречивую роль в рисках ловушки экономики дефицита играет институт государственного долга. Со времён выхода в свет фундаментального исследования Дж. М. Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" принято считать, что государство является источником покрытия дефицита эффективного спроса через инструмент долгового финансирования бюджетного дефицита. При этом не обращается внимание на "институциональную оговорку" Кейнса: будем считать, что стимулы к сохранению и расходованию денег неизменны. Если эти условия изменяются, то и макроэкономическая модель будет другой, причём Кейнс предполагает и резкие изменения в зависимости от изменений институциональной среды (Кейнс, 2012).

Сложная связь между динамикой ВВП и динамикой государственного долга в последние десятилетия выглядит как рост "кредитоёмкости" экономического роста под влиянием разного рода текущих дефицитов. Но государство не является обычным заёмщиком. У него особый институционально-финансовый статус, позволяющий ему распределять риски, расходы и потери расширения долга, не ослабляя своё влияние в конкурирующей паре "кредитор – заёмщик", а наоборот, усиливая его за счёт прямых или скрытых полномочий. Причины этого могут заключаться как в общественно-необходимом расширении и усложнении функций государства в условиях неопределённости глобального развития, так и в присущей любому государству склонности усиливать свою власть в обществе.

Как результат, мы наблюдаем сужение институционального пространства правового социального государства, государства для общества, за счёт институтов просто государства – "государства для себя". Негативным последствием этого становится заинтересованность государства в усилении мощности инструментов и процедур контроля над обществом. Утрачивается институциональный баланс между механизмами текущей стабильности системы и механизмами её долгосрочной устойчивости. Многие сигналы, которые не укладываются в сегодняшнюю парадигму государственного контроля и свидетельствуют о более сложном характере объекта регулирования, в лучшем случае агрегируются, а чаще просто отвергаются. Дефицит стратегичности развития является одним из имманентных рисков политической демократии, и работать с этим риском необходимо на всех уровнях общества.

Общественный контроль за долговой политикой государства должен развиваться и обеспечиваться институционально с учётом

усиления долгосрочных стратегических угроз правовому государству. Сегодня эту функцию контроля государственного долга принимают на себя международные финансовые институты, которые чаще всего представляют интересы кредиторов, которые безразличны к общественному запросу народа Украины на дальнейшее укоренение институтов правового государства и экономической свободы.

С начала 20-х годов XXI века в мировой экономике дефицит товаров и услуг (в широком смысле) получает характер долгосрочного существенного условия распределения и использования ресурсов. Истоки этого явления обычно связываются с пандемией коронавируса COVID-19, которая привела в течение 2020–2021 годов к ухудшению состояния рынка труда из-за снижения предложения рабочих рук и массового разрыва производственных цепочек вследствие карантинных мер.

Использование в качестве рабочего термина понятия "экономика дефицита", принадлежащего выдающемуся венгерскому экономисту Я. Корнаи, наталкивается на отрицание из-за размытости самого понятия дефицита (дефицит спроса и дефицит предложения характеризуют принципиально различные рыночные ситуации) и через чёткую привязку дефицита в модели Корнаи к социалистической плановой экономике.

На наш взгляд, экономика дефицита как историческое явление может характеризовать более широкий круг социально-экономических явлений, чем первоначально в него вкладывал Я. Корнаи. Если понимать социализм как одну из возможных моделей индустриального общества, которой противостоит модель рыночного индустриального общества, можно предположить гипотезу о ситуации взаимного перехода, когда благодаря эндогенным шокам предложения государственный социализм вынужден использовать элементы рынка (советский НЭП в 20-е годы XX века, эксперимент Дэн Сяопина о внедрении подворного подряда в сельском хозяйстве КНР), а капиталистическая рыночная система для преодоления дефицита спроса неоднократно использовала инструменты социальных гарантий и справедливости путём прогрессивной шкалы налогообложения сверхвысоких доходов.

В рыночной экономике в условиях долгосрочного дефицита рыночного предложения может скрыто возникать неформальная институциональная среда с сильными элементами распределительной справедливости, инструментами и механизмами рынка бюрократических преференций. Причина в том, что дефицит пред-

ложения как минимум не мешает функционированию таких механизмов. К тому же при определённых условиях может возникать общественный спрос на некоторые атрибуты административно-командной системы, что, соответственно, будет ослаблять спрос на институты экономической свободы и рыночной конкуренции.

Возникает новое измерение общественного неравенства, связанное с неодинаковой степенью доступа к механизмам распределительной справедливости. Это измерение предоставляет новые возможности ограничения социально-экономической неопределённости путём структурирования общества на ценностных началах, которые переступают через ценности индивидуализма и экономической свободы. Императив экологизации производства и потребления, сетевая цифровизация публичных отношений, шеринговая экономика, распространение общественного кредита как денежного выражения исконного публичного долга человека погружают людей в детерминированную среду конкретно публичного производства и потребления, о котором писали классики марксизма.

Выводы

В 2022 году локализация глобального развития приобрела турбулентный характер, который по содержанию и направлениям выглядит как перестройка системы (в плохом смысле). Новое качество глобальной взаимозависимости не было обеспечено новым качеством глобальной коммуникации. Жестокие конфликты и вспышки насилия постепенно охватывают всё более широкий ареал общества. Можно выделить три сценария дальнейшего развития глобального мира.

Первый сценарий – оптимистичный. По этому сценарию глобальный кризис 2022 года – это, несмотря на сегодняшние огромные потери, временная флуктуация. По окончании мир вернётся в предкризисное состояние, но уже обогащённое тяжёлым опытом и поэтому нацеленное на создание эффективной коммуникации для обеспечения менее амбициозного, более локализованного, но и более сбалансированного развития. Лозунг развития в этом случае – Институциональная Коммуникация прежде всего. Типа ООН для XXI века.

Второй сценарий – умеренно-пессимистический. В его основе – тенденция затихания конфликтности вследствие исчерпания ресурсов. О реалистичности этой тенденции свидетельствует усиление проявлений глобального дефицита в 2022 году. В этом случае локализация будет иметь неравномерный ("рваный") характер

с сохранением рисков возникновения спорадических конфликтов, что ещё больше усиливает значение создания эффективных институциональных коммуникаций.

Третий сценарий – пессимистический. Глобальная Институциональная Коммуникация не будет создана. В ходе углубления глобального конфликта в среднесрочной перспективе будет происходить обвальная локализация с потерей многих достижений экономической глобализации, когда глобальная коммуникация будет уже не нужна.

В зависимости от реализации одного из этих сценариев будет формироваться траектория национального социально-экономического развития Украины. В случае реализации благоприятного сценария, предполагающего сбалансированную локализацию дальнейшего глобального развития на основе Институциональной Коммуникации, Украина должна интегрироваться в ЕС без потери глобальной субъектности с одновременным выравниванием связей и зависимостей с другими странами.

В случае умеренно положительного сценария затухающего шока, Украина должна постоянно корректировать задачи согласованного стратегического движения в европейское социально-экономическое пространство с задачами позиционировать себя как важную часть глобальной системы и субъекта Институциональной Коммуникации. Проявления деструктивной конкуренции в сторону Украины могут время от времени приобретать особо опасный характер. Возможно усугубление конфликта между задачами развития и задачами безопасности.

В случае реализации пессимистического сценария Украине нужно любой ценой придерживаться стратегии союза с государствами Запада, поскольку по такому сценарию катастрофическая турбулентность будет только расти. Других возможностей избежать неприемлемой неопределённости относительно существования государства не просматривается.

Литература

1. Білорус О. Г. (2003). Економічна система глобалізму. Київ: КНЕУ. 357 с.
2. Геєць В. М., Мазаракі А. А. (ред.) (2008). Пріоритети національного економічного розвитку в контексті глобалізаційних викликів: монографія. У 2 ч. Ч. 1. Київ: Київ. нац. торг.-екон. ун-т.
3. Гриб А. А., Мамаев С. Г., Мостепаненко В. М. (1988). Вакуумные квантовые эффекты в сильных полях. 2-е изд. Москва: Энергоатомиздат. 288 с.
4. Гриценко А. А. (2010). Глобальна криза як форма сучасної соціально-економічної динаміки. *Економічна теорія*. № 1. С. 37–46.

5. Каку М. (2012). Физика невозможного. 3-е изд. Москва: Альпина нон-фикшн. 456 с.
6. Кейнс Дж. М. (2012). Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Гелиос АРВ. Гл. 9.
7. Кругман П. (2013). Выход из кризиса есть! Москва: Азбука Бизнес, Азбука Аттикус.
8. Родрик Д. (2011). *Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики*. Москва: Изд-во Институт Гайдара. <https://doi.org/10.1355/ae28-3k>
9. Стігліц Дж. (2003). Глобалізація та її тягар. Київ: Видавничий дім "КМ Академія". 252 с.
10. Яременко О. Л. (1997). Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект. Харьков: Основа. 182 с.
11. Яременко О. Л. (2017). Глобальні дисбаланси і новий протекціонізм: інституційна гіпотеза. *Економіка України*. № 5–6. С. 106–123.
12. Ясперс К. (1991). Смысл и назначение истории. Москва: Политиздат. 527 с.
13. Clavin P. (June 2022). Turbulence and the Lessons of History. Opportunities are born of crisis, but the lines that connect them are far from direct. *Finance & Development*. P. 16–19.
14. Conway D. and Heynen N. (ed.) (2017). *Globalization's Contradictions. Geographies of discipline, destruction and transformation*. Published 2017 by Routledge. 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, Oxon OX14 4RN 711. Third Avenue, New York, NY 10017, USA. 302 p.
15. Gourinchas P.-O. (June 2022). Shifting Geopolitical Tectonic Plates A more fragmented world will need the IMF more, not less. *Finance & Development*. P. 10–11.
16. Hedayatifar L., Rigg R. A. et al. (October 2019). US social fragmentation at multiple scales. *Jornal The Royal Interface*. Vol. 16. Issue 159.
17. Nemina P., Espinosa K. (March 23 2021). Between status quo and radical change. URL: https://www.globe-project.eu/en/between-status-quo-and-radical-change-the-role-of-china-and-the-emerging-powers-in-global-financial-governance_12951
18. Obstfeld M., Rogoff K. (November, 2009). Global Imbalances and the Financial Crisis: Products of Common Causes. Santa Barbara: University of California, Berkeley and Harvard University. URL: <http://eml.berkeley.edu/~obstfeld/santabarbara.pdf>
19. Oliver R. (April 28, 2022). All in it together? Eurozone nations provide wildly different inflation forecasts for the bloc in wake of Ukraine war. URL: <https://www.macrobond.com/blog/all-in-it-together-eurozone-nations-provide-wildly-different-inflation-forecasts-for-the-bloc-in-wake-of-ukraine-war>
20. Perkins S. (April 18, 2022). Institutional distance versus intra country differences capturing and leveraging the diversity within. *AIB Insights*. Vol. 22, Issue 3. URL: <https://insights.aib.world/article/33937-institutional-distance-versus-intra-country-differences-capturing-and-leveraging-the-diversity-within>
21. Prasad E. (June 2022). Enduring Preeminence. The US dollar might slip, but it will continue to rule. *Finance & Development*. P. 12–15.
22. Rahman, H. M. T., Saint Ville, A. S., Song, A. M., Po, J. Y. T., Berthet, E., Brammer, J. R., ... Hickey, G. M. (2017). A framework for analyzing institu-

tional gaps in natural resource governance. *International Journal of the Commons*, 11(2), 823–853. DOI: <http://doi.org/10.18352/ijc.758>

23. Tremel N. (February 16, 2022). Banking: from zero to hero. URL: <https://www.macrobond.com/blog/banking-from-zero-to-hero>

Поступление в редакцию 30 мая 2022 года

Прорецензировано 14 июня 2022 года

Подписано к печати 30 июня 2022 года

References

1. Bilorus, O. H. (2003). Economic system of globalism. Kyiv: KNEU [in Ukrainian].
2. Heiets, V. M., Mazaraki, A. A. (eds.) (2008). Priorities of national economic development in the context of globalization challenges: monograph. In 2 p. Part 1. Kyiv: Kyiv National University of Trade and Economics [in Ukrainian].
3. Grib, A. A., Mamaev, S. G., Mostepanenko, V.M. (1988). Vacuum quantum effects in strong fields. 2nd ed. Moscow: Energoatomizdat [in Russian].
4. Hrytsenko, A. A. (2010). Global crisis as a form of modern socio-economic dynamics. *Ekon. teor. – Economic theory*, 1, 37-46 [in Ukrainian].
5. Kaku M. (2012). Physics of the impossible. 3rd ed. Moscow: Alpina non-fiction [in Russian].
6. Keynes, J. M. (2012). General theory of employment, interest and money. Moscow: Helios ARV. Ch. 9.
7. Krugman, P. (2013). End This Depression Now! Moscow, Azbuka Biznes, Azbuka Attikuc [in Russian].
8. Rodrik, D. (2011). The Paradox of Globalization: Democracy and the Future of the World Economy. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. <https://doi.org/10.1355/ae28-3k> [in Russian].
9. Stiglitz, J. (2003). Globalization and its burden. Kyiv: Publishing house "KM Akademiya" [in Russian].
10. Yaremko, O. L. (1997). Transition processes in the economy of Ukraine: institutional aspect. Kharkov: Osnova [in Russian].
11. Yaremko O. L. (2017). Global imbalances and new protectionism: the institutional hypothesis. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 5-6, 106-123 [in Ukrainian].
12. Jaspers, K. (1991). Meaning and purpose of history. Moscow: Politizdat [in Russian].
13. Clavin, P. (June 2022). Turbulence and the Lessons of History. Opportunities are born of crisis, but the lines that connect them are far from direct. *Finance & Development*, 16–19.
14. Conway, D. and Heynen, N. (ed.) (2017). Globalization's Contradictions. Geographies of discipline, destruction and transformation. Published 2017 by Routledge. 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, Oxon OX14 4RN 711. Third Avenue, New York, NY 10017, USA.
15. Gourinchas P.-O. (June 2022). Shifting Geopolitical Tectonic Plates A more fragmented world will need the IMF more, not less. *Finance & Development*, 10-11.

16. Hedayatifar, L., Rigg, R. A. et al. (October 2019). US social fragmentation at multiple scales. *Jornal The Royal Interface*, 16(159).
17. Nemina, P., Espinosa, K. (2021). Between status quo and radical change. Retrieved March 23 from https://www.globe-project.eu/en/between-status-quo-and-radical-change-the-role-of-china-and-the-emerging-powers-in-global-financial-governance_12951
18. Obstfeld, M., Rogoff, K. (2009). Global Imbalances and the Financial Crisis: Products of Common Causes. Santa Barbara: University of California, Berkeley and Harvard University. Retrieved November from <http://eml.berkeley.edu/~obstfeld/santabarbara.pdf>
19. Oliver, R. (2022). All in it together? Eurozone nations provide wildly different inflation forecasts for the bloc in wake of Ukraine war. Retrieved April 28 from <https://www.macrobond.com/blog/all-in-it-together-eurozone-nations-provide-wildly-different-inflation-forecasts-for-the-bloc-in-wake-of-ukraine-war>
20. Perkins, S. (2022). Institutional distance versu intra countr differences capturing and leveraging the diversity within. *AIB Insights*, 22 (3). Retrieved April 18 from <https://insights.aib.world/article/33937-institutional-distance-versus-intra-country-differences-capturing-and-leveraging-the-diversity-within>
21. Prasad, E. (June 2022). Enduring Preeminence. The US dollar might slip, but it will continue to rule. *Finance & Development*, 12-15.
22. Rahman, H. M. T., Saint Ville, A. S., Song, A. M., Po, J. Y. T., Berthet, E., Brammer, J. R., ... Hickey, G. M. (2017). A framework for analyzing institutional gaps in natural resource governance. *International Journal of the Commons*, 11(2), 823-853. DOI: <http://doi.org/10.18352/ijc.758/>
23. Tremel, N. (2022). Banking: from zero to hero. Retrieved February 16 from <https://www.macrobond.com/blog/banking-from-zero-to-hero/>

Received on May 30, 2022

Reviewed on June 14, 2022

Signed for printing on June 30, 2022